

УДК 316.752.4+07

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ И ФОРМЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

© 2012 В.А. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2012 года

Аннотация: *политический конфликт в медийной реальности выступает как сложное и противоречивое отражение совокупности конфликтов в обществе. Ценностный конфликт более глубок и менее поддается сглаживанию, чем породивший его конфликт социальных интересов. Поэтому столь важной выглядит роль прессы, и прежде всего в качестве аналитика потенциальных или свершившихся конфликтов. Однако роль самой прессы как участника конфликта достаточно противоречива и нуждается в глубоком изучении.*

Ключевые слова: *масс-медиа, ценностный анализ медиасферы, значимость, оценка, ценность, идеал.*

Abstract: *the political conflict in media reality acts as a complex and contradictory reflection of some social conflicts set. The value conflict is deeper and it less suitable for compromises, than the social interest conflict which generates value oppositions. Therefore the press role looks highly important and first of all the role of analyst of potential or actual conflicts. However, the role of the press as participant of the conflict is rather contradictory and needs deep studying.*

Key words: *mass media, value analysis of the media sphere, significance, evaluation, value, ideal.*

Конфликт, как почти схожим образом трактуется в разных словарях, — это столкновение двух или более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях противодействия [14, 142]. Так что причины конфликта коренятся в базисных интересах личности, больших и малых социальных групп, институтов общества. Поэтому конфликт представляет собой один из возможных вариантов взаимодействия политических субъектов. Философ выделяет три основные сферы, в которых разворачивается спектр таких вариантов: модернизацию и эмансипацию, национальную историю, культуру и язык [7, 30].

В понимании политологов, конфликты являются наиболее распространенным источником и формой политических изменений. Изменения происходят в результате конкурентного взаимодействия двух и более сторон в сфере их коренных интересов. В этом плане существенны субъективные факторы текущего конфликта, среди которых способность его участников к модификации предмета спора, жесткость или пластичность занимаемых ими позиций [16, 460-461] — иными словами, свобода поведения в ценностной сфере.

Столкновение интересов означает противостояние сторон по поводу распределения в обществе материальных и духовных благ и ценностей, властных полномочий и символов

могущества. Означает по существу, а выступает в форме конфликта мировоззрений, идеологий и противопоставления отражающих их духовных ценностей. Отчего в понимании природы конфликтов возникает определенная сложность, поскольку идеологическое выражение конфликта способно отделяться от его материальной сущности. Материальная сущность конфликта и его идеологическое оформление, хотя и находятся в непосредственных причинно-следственных отношениях, все же могут рассматриваться автономно. Неслучайно урегулирование конфликта материальных интересов далеко не всегда равносильно приостановке противоборства в сфере духовных ценностей.

Однако, возможна и другая трактовка вопроса. Так, политологи рассматривают, во-первых, три источника политических конфликтов — вне-социальные, социальные и комбинированные; во-вторых, три причины этих конфликтов — по поводу несовпадения статусов субъектов политики, из-за расхождения людей относительно ценностей и политических идеалов, а также в результате процессов идентификации граждан [16, 463-465]. Получается, что ценностный конфликт уравнивается с конфликтом по поводу распределения в обществе власти и могущества. Нам же это видится иначе — названного уравнивания нет и быть не может, а есть несовпадающие понимания конфликта: одно тяготеет к базисным представлениям о социуме, другое — к надстроечным.

© В.А. Сидоров, 2012

Политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов немислима без идеологии. Отчего наиболее важным социальным источником политических конфликтов является расхождение людей относительно ценностей и политических идеалов, культурных традиций, оценок тех или иных событий. В этом же ракурсе следует рассматривать в качестве источника конфликта неадекватность восприятия индивидом или социальной группой как собственных интересов, так и позиций другой стороны. Вот почему неуклонно возрастает роль идеологического обеспечения политической жизни, отчетливости в расстановке ценностных приоритетов в каналах массовой коммуникации. И это же означает, что ценностный раскол, всегда начинающийся с элементарного расхождения по поводу идей, более глубок, более ожесточен, нежели собственно конфликт по поводу материальных благ. Потому что в него вторгается человеческая психика, в которой всегда найдется место уверенности индивида в справедливости его идеалов и представлений, праве на особое мнение, обидам, жажде реванша.

Идеи и люди, их воплощающие, руководят миром. Причем зачастую не имеет значения — истинны они или ложны, утверждает специалист в области политической философии. На судьбы народов глубокое влияние оказывают не только войны и революции, опустошительные следы которых рано или поздно изживаются, но и перемены в основных идеях, понятиях и верованиях, которые связаны с тем, что основополагающие элементы самой цивилизации осуждены на преобразование [6, 115].

Духовные ценности в качестве результата познания действительности оформляются интеллектом по законам научного мышления, следовательно, порождаются наиболее образованной частью общества. И, что примечательно, нередко вопреки своим коренным социальным интересам. Так что возникновение новых ценностей, переход к их доминированию в общественном сознании представляет собой чрезвычайно запутанный и противоречивый процесс, оценка которого с близкого расстояния не всегда объективна.

В этом отношении показательной стала телепрограмма «Суд времени», — сказал корреспонденту «Литературной газеты» известный кинорежиссер Владимир Меньшов. — Наконец в публичном пространстве удалось услышать позицию, противоположную антисоветской <...>. Поражало зрительское голосование [против безудержного антисоветизма высказались 9 из 10 зрителей этой программы. — В.С.]. Я не могу это объяснить. Знаю, что результаты произвели оглушающее впечатление на либеральную интеллигенцию... <...>. Итог оказался

удивительным еще и потому, что он не соответствует результатам любых выборов в нашей стране. Я не верю, что на выборах происходит массовая подтасовка, — значит, есть причины, по которым телеголосование выявляет явную поддержку социалистической идеи, а на реальных выборах этого не происходит. Очень важно провести глубокие социологические исследования, определить, в каком состоянии наше общество. Необходимо понять, чего хочет народ, каковы его предпочтения и недовольства. Ведь со времен Горбачева мы очень многому научились и на многое переменили свои взгляды [15, 10].

Вот и распад традиционного общества, — оценивает состояние российского социума социолог Л. Бызов, — страшная травма для наций и народов. Но одни ее проходят относительно безболезненно, другие в муках и потрясениях. Неслучайно для нашей страны события 20-летней давности во многом носили характер «социально-культурной реформации», призванной сломать сложившиеся в обществе исторически этнокультурные стереотипы [3, 3]. И в самом деле, часть ценностных стереотипов из недавней российской истории в новой социальной ситуации обрела черты неактуального, почти нездешнего.

Так, подверглись девальвации ценности героизма, патриотизма, верности и бескорыстия. Забылась эстетизация подвига, примерами которой, полагает автор философского исследования о сущности героизма В.Д. Плахов, могут служить опера А.П. Бородина «Князь Игорь», фильм С.Д. Васильева и Г.Н. Васильева «Чапаев», поэма М. Алигер «Зоя». Однако современная «массовая культура» диктует свое, и высокая эстетика подвига и героического все более вытесняется лишенными глубокого ценностного содержания имиджевыми образами «героев» — «селебрити» (от лат. *celebrare* — восхвалять, упоминать, прославлять). Американский культуролог Д. Борстин назвал их «ходячими событиями». К имиджевым «героям» недавней истории Плахов причисляет, например, Мэрилин Монро, а в текущей современности — Ксению Собчак, понимание героизма которой неотделимо от ее «сокровенной мечты» — стать секс-дивой [13, 91-92, 167].

Надлом в восприятии исторически устоявшихся социальных ценностей в то же самое время означает и сопротивление этому надлому, по своему свидетельствует о повторной актуализации прежних ценностей в общественном сознании. Фаза надлома выступает в качестве индикатора зарождающегося ценностного противостояния.

В противостоянии, которое обычно вовлекает в себя основные СМИ, публично кристаллизуются политические позиции сторон, находят свое предельно радикальное выражение — таков закон

драматургии социального противоборства. Ценностный анализ истории общественных конфликтов показывает, что их участникам свойственно свою политическую позицию маркировать полярной символикой — либо как консервативно-охранительную, либо как радикальную. По мере развития ценностного конфликта его поляризация объективна, поскольку подпитывается расширением числа его участников, для которых желателен идейный выбор по принципу «или — или», полутона не поощряются. Отчего на первом плане идеологических противопоставлений могут оказаться не самые животрепещущие вопросы. Скажем, об отношении к традициям, даже если их значимость очевидна не всем.

Однако актуальность конкретной идеологической маркировки поверяется политической практикой: далеко не главные вопросы в жизни общества могут стать решающими. Именно так однажды случилось в истории Франции (1969 г.), когда президент Де Голль вынес на общенациональный референдум проект не самой значимой реформы — о новом административном делении страны. В обществе, в данной ситуации разделенном на сторонников традиции и приверженцев обновления, победили первые, и генерал Де Голль ушел с поста президента. И все же причина политического поворота была иной — Франция устала от некогда популярного лидера. Так что, как писал американский поэт Э. Паунд, «традиция — это красота, которую мы оберегаем, а не основы, которые нас удовлетворяют». И потому нельзя считать традицию принадлежащей всецело прошлому, следовательно, исключительно консерваторам. Спор о традиции не более чем маскирующие покровы столкновения совершенно других ценностей, афишировать которые политики не всегда считают нужным.

Ценностный конфликт, или ценностный раскол, радикализирует умонастроения в обществе, подчас ожесточает политическую жизнь — столкновения по поводу «символа веры» всегда оставляли кровавый след в истории. Память об этом долго не остывает в обществе, а позитивная динамика слабо выражена: обиды и боли не отступают, скудно культивируется почва к добру и примирению. Хуже того, ценностное противостояние способно возобновляться после периодов, казалось бы, его полнейшего урегулирования, когда позиции сторон проявились настолько, что был найден консенсус и возврата к прежним спорам не должно быть. А они все равно возобновляются, и с каждым днем становятся еще более острыми.

К примеру, так это было в перестройку, когда дебаты о советской истории, политических персонажах недавнего прошлого, несмотря на

отшумевшие дискуссии в годы так называемой «хрущевской оттепели», вспыхнули с новой силой. Вспыхнули, потому что основные проблемы общественного развития решены не были. Не решены и сегодня. Свидетельство тому — вспышка недовольства итогами состоявшихся 4 декабря 2011 г. выборов в Государственную думу РФ. Социальное неудовлетворение вылилось в уличные митинги, а также в информационную кампанию, широко развернувшуюся в медийной среде, прежде всего, в сетевом пространстве. Некогда начатый, но так и не завершённый процесс демократизации общественной жизни, — одна из нерешенных политических проблем. Демократия как ценность и разное ее истолкование стали предметом идейного раскола между властью и граждански активной частью общества. Однако истинный смысл случившегося столкновения еще нуждается в объективном анализе.

Ценностный конфликт — его идеологическое оформление и сущность — относится (воспользуемся идеей Р. Барта) к классу слоистых объектов, две половинки которых нельзя отлепить друг от друга, не разрушив целого: таковы оконное стекло и пейзаж, но также — а почему бы и нет? — Добро и Зло, желание и его объект, дуальности, которые можно постигать, но не ощущать [1, 18-19]. Остроту ценностного раскола определяют, в свою очередь, формы его протекания. Следовательно, возникает новая «слоистость объекта». Стратифицируем его, перечисляя слои (страты) по мере возрастания напряжения в противодействии сторон ценностного раскола.

1) Философско-критический анализ литературных источников, в том числе кинофильмов, спектаклей, произведений монументальной скульптуры и пр. К этому слою ценностного противостояния следует отнести дискуссии по вопросам интерпретации таких явлений общественной жизни общества, которые не могут не восприниматься вне политического контекста и не могут не вызывать диаметрально противоположных оценок. Спор о литературном произведении — лишь открытая часть потаенной, и более обширной по содержанию, общественной полемики. Политический аспект которой ретушируется, заменяется иносказанием. Это было характерно для российской демократической печати XIX века, первых лет перестройки в позднюю советскую эпоху. На этом уровне дискуссии, как правило, корректны, и только взгляду опытного наблюдателя могут быть заметны скрытые сейсмические колебания общественного мнения.

2) Полемика, затрагивающая личностные начала участников конфликта, допускающая призывы к тем или иным мерам по устранению оппонентов из публичной сферы. Это по-своему

подтверждает мнение философа об опасности свободы, не корректируемой ответственностью, чему подчас способствуют СМИ, «содействуя вулгаризации и заземлению культуры – подрыву традиционных ценностей» [6, 129-130].

3) Брань как борьба или, говоря иначе, высшая стадия обострения идеологической борьбы, в которой не только и не столько сталкиваются ценности, сколько морально принижаются («разоблачаются») их носители. Последнее означает крайнюю степень раздражения (ожесточения) участников конфликта.

Характерный тому пример – ценностный раскол по вопросам истории, скажем, между российскими и украинскими элитами, интеллектуальными в том числе. И воспринимается такой раскол не иначе как конфликт культур, который определяется в качестве насилия, преодолевающего страх собственной смерти перед – мнимой или настоящей – угрозой полной утраты смысла существования: человек культуры теряет смысл жизни вместе с возможной гибелью собственного жизненного мира. Суицидальный терроризм в событиях 11 сентября в Америке, и не только, – наглядное подтверждение возможности и реальности пренебрежения одновременно собственной жизнью и жизненным миром своей культуры ради потустороннего, трансцендентного, утверждения ее ценностей [4, 78].

В последнем замечании процитированного автора нельзя не отметить один очень важный аспект: ценности, превращаясь в свое полярно противоположное значение (красота становится безобразием, добро – злом), не только несут в себе опасность «вечного» поддержания раскола в обществе между этносами и культурами, но и провоцируют на применение в ценностном отношении негативных методов их утверждения в сознании людей с помощью средств массовой информации.

Если объективно взглянуть на нынешнее состояние российской общественной мысли, на облик прессы и работу телевидения, то приходится признать правоту философа, констатировавшего, что «поношение и расправа с прошлым стали общим местом в статьях и книгах, посвященных самым разным темам и проблемам» [17, 9].

Поношение – не проявление политического свободомыслия и не часть культурно организованной дискуссии, а негативный метод информационной агрессии, сопровождающей или упреждающей в отдельных случаях агрессию вооруженную.

Анализируя разразившийся в 2005-06 гг. так называемый «карикатурный скандал», академик М.Б. Пиотровский заметил, что опубликованные в Дании карикатуры содержат весь набор

стандартных поношений Мухаммеда, издавна существующих в христианской цивилизации, весь арсенал оскорблений, проверенных временем и практикой [12, 3]. Это практика столетиями длившейся вооруженной агрессии христианского Запада против мусульманского Востока. Если же известные историкам и содержащиеся в «датских карикатурах» поношения связать с гражданской войной в Ливии (2011 г.), войной, поддержанной со стороны НАТО, то окажется очевидным и упреждающий характер этих поношений.

Поношение сегодня и применительно к нашей стране, – с одной стороны, признак глубокого идейного раскола, охватившего Россию и постсоветское пространство. С другой, перестановка знаков прошлого через расправу с ним выступает как метод организации нового политического пространства. Нового, то есть не связанного со старым. Ни генетически, ни идейно. Потому-то один из деятелей современной Украины назвал 9 мая «днем оккупанта», а киевский «5-й канал» стремился убедить своих зрителей в том, что для украинцев война Отечественной ни в коем случае не была. И ведущий телепрограммы на этом канале все никак не мог понять, почему на Украине продолжают показывать советские фильмы о войне, если они противоречат правдивым украинским учебникам истории [5, 10]. Надо пояснить, что в цитируемой публикации говорится о новейших изданных на Украине школьных учебниках.

Нелишне отметить, что и в ходовых европейских учебниках истории Россия представлена лишь тремя сюжетами: участие Сталина в «большой тройке», ГУЛАГ и лучезарный Горбачев. С помощью политических провокаций нам с успехом навязывают перевернутую систему ценностей [8, 10]. Навязывают постоянство ценностного раскола в стране и – шире – в славянском мире. Принуждают к покаянию. Кого, зачем, перед кем? Частично на вопрос в публицистической статье отвечает философ: эти и родственные им акции работают прежде всего на те силы, которые стремятся пересмотреть итоги Второй мировой войны, обесценить соглашения в Тегеране и Ялте, тем самым лишить Россию идейной легитимации в современном мире со всеми вытекающими отсюда политическими, финансовыми и территориальными последствиями [10, 4].

Расколота нация – слабая страна. Справедливость этого тезиса в доказательствах не нуждается. Скажем еще более жестко: такая страна оказывается в крайне опасном состоянии. Неспроста в нашем обществе раскол, в том числе и по идейным основаниям, стал восприниматься как болезненное, ненормальное состояние. И если политическая элита далеко не всегда демонстрировала свою волю к преодолению

раскола, то само общество, оказавшись на грани распада, гражданской войны, выработало некую сверхценность в виде общественного единства, полагает Л. Бызов. Явочным порядком сформировалась квазиидеология большинства – синтез умеренно левых и умеренно правых идеологием вокруг базовой ценности сильного государства, власти [2, 3]. Тем не менее, даже наиболее активные выразители этой квазиидеологии все равно сомневаются в успехе. Пора признать, констатирует публицист-философ: мы живем в идейно расколотой стране [9, 4].

Искать выход из идейного тупика столь же необходимо, как беречь материальные ресурсы для преодоления страной разразившегося в мире финансово-промышленного кризиса. Может быть, и всего необходимей. Только ни заклинаниями, ни договоренностями публично не касаться самых жгучих идеологических разногласий, делу не помочь. Разномыслие в медиареальности, в журналистике не устранить – это объективное свойство свободных медиа. Поэтому надо изучать процессы разделения и соединения людей по идеалам и интересам, искать язык для диалога. Общество расколото, и ни дубинкой, ни деньгами его не собрать, утверждает С. Кара-Мурза. И выражает надежду на обращение к разуму, совести, памяти и способности людей предвидеть будущее [11, 3].

Не оставляет надежду на взаимопонимание и А. Казин, когда из правоконсервативного лагеря обращается к своим идейным противникам из лагеря либералов: «Давайте начистоту, господа. Либо вы отказываетесь от советского периода отечественной истории как исчадия ада, и тогда вам надо выкинуть из семейных сундуков деловские и отцовские военные ордена, перестать праздновать вместе с народом День Победы 9 мая, и начать отмечать (вместе с недобитыми эстонскими и латышскими ээсовцами) дату образования власовской армии, раздувая тем самым бесконечную гражданскую войну, либо... благодарить в этот день Бога за то, что он даровал миру в 1945 году русско-советскую победу над коричневой чумой...» [10, 4].

Решать проблемы преодоления раскола доступно только всему обществу в целом, его интеллектуальным силам, прежде всего. Достижимо, если при этом понимать, что согласие не может быть всеобъемлющим, что даже наметившееся взаимопонимание в обществе хотя бы по самым спорным проблемам – это уже согласие. Вот почему столь важно подчеркнуть роль и значение журналистики в вопросах идеологического обеспечения согласия в стране. Роль далеко не однозначную и противоречивую. Что ж, тем более необходимо изучать медийную реальность, только знание всех уровней и пластов раскола в его

идеологическом оформлении способно принести ощутимую пользу всем, кто обладает позитивной политической волей.

Изучение проблематики идейного раскола, отражаемого и формируемого в СМИ, нуждается в строгой конкретизации. Это далеко не рядовая научная задача, а осложненная рядом трудно разрешимых вопросов методологии исследований. Скажем, что представляют собой согласие и раскол с аксиологической точки зрения – ценность и антиценность, ценность и ее отрицание или же две полярные ценности, каждая из которых, как ни парадоксально, должна быть достойна уважения. В зависимости от того или иного ответа понимается глубина раскола, мера его допустимости, вреда и пользы.

Скажем, К.С. Гаджиев в сущности конфликта склонен находить ценность и антиценность, так как в самой человеческой природе, полагает он, видимо, коренится потребность иметь врага – злобного и беспощадного и в силу этого подлежащего уничтожению. Оппозиционность, неуживчивость, конфликтность, враждебность – такие же естественные формы проявления отношений между людьми, как и взаимная симпатия, солидарность, коллективизм и т.д. Инстинкт самосохранения и инстинкт борьбы составляют две стороны одной медали. Поэтому со значительной долей уверенности можно сказать, что одним из основополагающих побудительных мотивов человеческой агрессии является образ действительного или воображаемого врага, именем которого люди оправдывают свои действия [6, 240-241].

Это и есть иными словами выраженный вопрос о средствах достижения идейного согласия.

Вопрос, заведомо осложняемый тем, что при этом и само средство должно восприниматься обществом в качестве ценности. Вроде бы понятное условие, но и оно способно завести в тупик определенные политические силы, подвести их к использованию ложных приемов. В российской политике попытки представить антиценность ценностью повторяются время от времени: так, проведенная правительством в начале 90-х годов прошлого столетия ваучерная приватизация подавалась как забота (ценность!) о праве на собственность (тоже ценность!) каждого гражданина России, тогда как на самом деле, по поздним признаниям А. Чубайса, имела только один смысл – сформировать класс буржуазии в качестве гаранта невозвращения к советскому прошлому.

Далее, в процессе анализа не может не возникнуть парадокс, связанный, как ни странно, с актуальностью изучаемой проблематики. Изучать раскол предстоит тем, кто в него вовлечен, кому практически невозможно воспользоваться советом М. Вебера оставить свою политическую

позицию, словно галоши, за дверью научной лаборатории. Как ни старайся, нейтральности не будет. Следовательно, в процессе изучения придется искать самую главную ценность, на основе которой только и можно выработать методологически непротиворечивую концепцию исследования.

И еще одна проблема, без осознания которой достойные замыслу результаты не получить. Попытка найти для социально стратифицированного общества единую для всех ценность, пусть в своем звучании и самую высокую, — не более чем утопия. Исследователь все равно остановится перед дилеммой, некогда обозначенной А.М. Горьким: «С кем вы, мастера культуры?» В той или иной форме вопрос ставится и сегодня. Потому что приходится признавать, что какая-то часть произведений журналистики не способствует и никогда не будет служить общественному согласию. Для общественного согласия потребуются не только более высокий уровень экономических и политических отношений, но и понимание, что принцип — «тебе половина, и мне половина» — в идеологии бесполезен. Выбор, может быть, последний, но обязательно потребуются.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Ролан Барт / [пер. с фр.]. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2011 — 272 с.
2. Бызов Л. В ожидании «иного» / Леонтий Бызов // Литературная газета. — 2011. — № 22.
3. Бызов Л. Новорусская нация / Леонтий Бызов // Литературная газета. — 2011. — № 43.
4. Быстрицкий Е.К. Конфликт культур и методология

толерантности / Е.К. Быстрицкий // Вопросы философии. — 2011. — № 9.

5. Вихарев И. «Программист» Шустер и его почитатели / Илья Вихарев // Литературная газета. — 2009. — № 21.
6. Гаджиев К.С. Введение в политическую философию : учеб. пособие / К.С. Гаджиев. — М. : Логос, 2004. — 336 с.
7. Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций / М. Грох // Вопросы философии. — 2011. — № 1.
8. Замостьянов А. Пространство победы / Арсений Замостьянов // Литературная газета. — 2011. — № 11-12.
9. Казин А. «Десталинизация» как зеркало нашего времени / Александр Казин // СПб. ведомости. — 2011. — 3 июня.
10. Казин А. С кем вы, господа-либералы? : Наша Победа и ее противники / Александр Казин // СПб. ведомости. — 2009. — 30 окт.
11. Кара-Мурза С. Предвидеть будущее / Сергей Кара-Мурза // Литературная газета. — 2011. — № 29.
12. Пиотровский М. Рецепт простой : не оскорблять друг друга / Михаил Пиотровский // СПб. ведомости. — 2006. — 22 февр.
13. Плахов В.Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы: Монография / В.Д. Плахов. — СПб. : Изд-во «Каро», 2008. — 240 с.
14. Политология. Энциклопедический словарь / [общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянова]. — М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. — 431 с.
15. Пухнавцев О. Владимир Меньшов : «Нужно понять, чего хочет народ» / Олег Пухнавцев // Литературная газета. — 2011. — № 52.
16. Соловьев А.И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учеб. пособие / А. Соловьев. — М. : Аспект Пресс, 2003. — 559 с.
17. Толстых В. Неразумное устройство / Валентин Толстых // Литературная газета. — 2009. — № 44.

Сидоров В.А.
Санкт-Петербургский государственный университет. Профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций.
e-mail: vsidorov47@gmail.com

Sidorov V.A.
St. Petersburg State University.
Professor of the chair of journalism theory and mass communications.
e-mail: vsidorov47@gmail.com